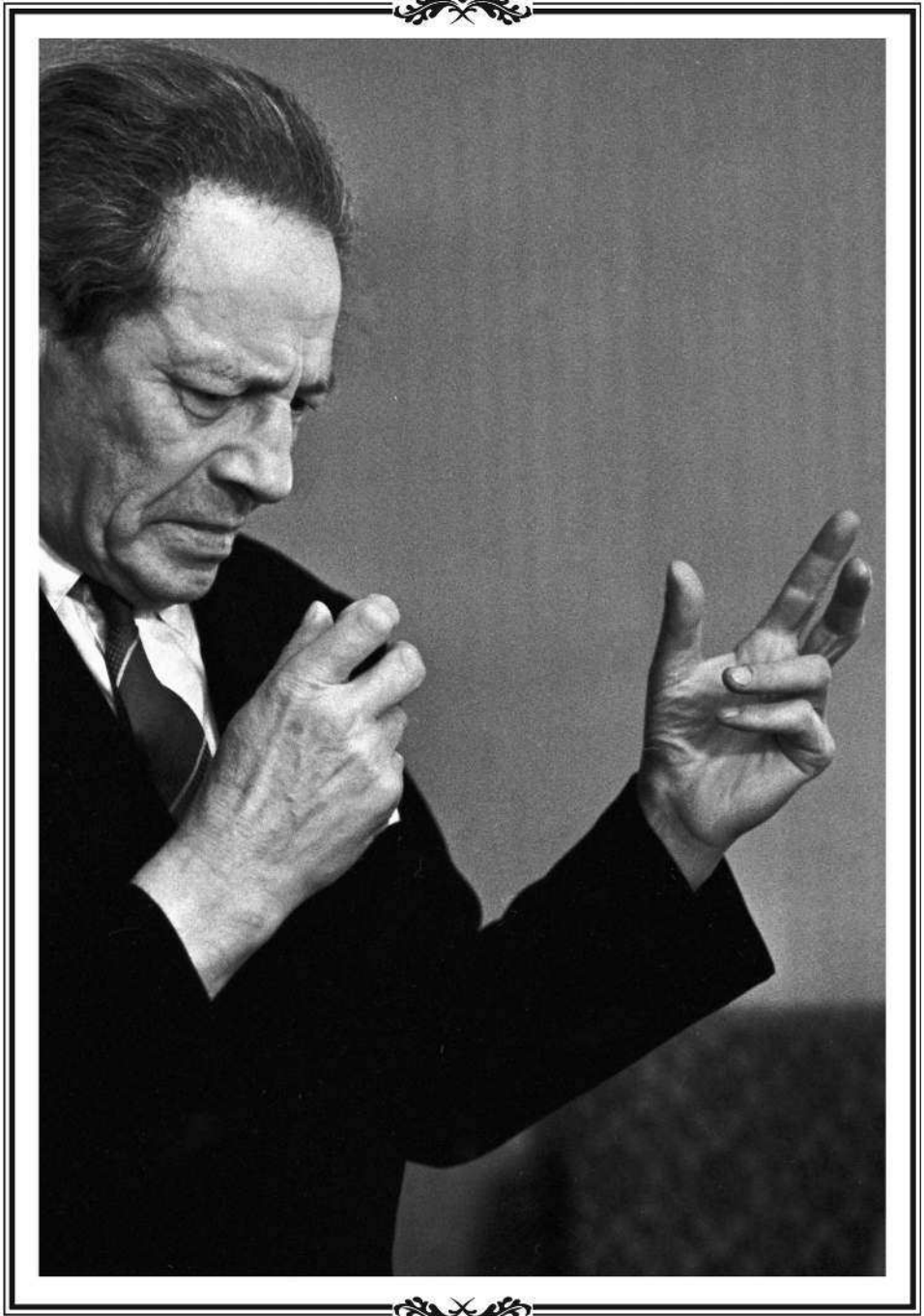

**ЗАПРЕТНЫЕ
МЕМОАРЫ**

ВОЛЬФ
МЕССИНГ

Я – ТЕЛЕПАТ
СТАЛИНА

ЯУЗА-ПРЕСС

МОСКВА

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М53

Мессинг, Вольф.

М53 Я — телепат Сталина / Вольф Мессинг. — Москва : Яуза-пресс, 2016. — 224 с. — (Запретные мемуары).

ISBN 978-5-9955-0833-5

Его величали «личным экстрасенсом Сталина». Ему приписывали сверхчеловеческие способности. Его считали не просто телепатом, умеющим читать и внушать мысли, но ясновидцем, чародеем, пророком, способным «проходить сквозь стены» и предсказывать будущее...

Те «мемуары Вольфа Мессинга», что печатались при его жизни в журнале «Наука и религия», были сфальсифицированы советской пропагандой. А его подлинные воспоминания, тайком переправленные в Израиль, ждали публикации более сорока лет. В этой книге великий экстрасенс впервые мог рассказать всю правду о своей жизни и своем уникальном даре, о работе на советскую контрразведку и разоблачении вражеских агентов, о личных встречах с Пилсудским и Канарисом, Абакумовым и Хрущевым, Берией и Сталиным:

«Как вам это удается?» — спросил Берия. Я честно ответил, что не знаю как. Слово “сверхъестественные” не очень-то подходит к моим способностям, лучше сказать “необъяснимые”. Во многом они являются тайной и для меня самого. Все ученые, которые пытались изучать мой феномен, так и не поняли его природу. Я и сам не могу объяснить, как именно я это делаю. Просто делаю — и все...»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0833-5

© ООО «Яуза-пресс», 2016

От редакции

Обретению воспоминаний Вольфа Мессинга мы обязаны счастливому стечению обстоятельств.

Вольф Мессинг завершил написание своих мемуаров в первой половине 1974 года. Он хорошо понимал, что в то время шансов на издание его воспоминаний в СССР не было. Поэтому он передал рукопись своему другу, администратору Госконцерта СССР Абраму Соломоновичу Каплуну, который в 1974 году получил разрешение на выезд в Израиль. Мессинг надеялся на то, что в Израиле его воспоминания будут опубликованы. Однако жизнь распорядилась иначе. По неизвестным причинам Абрам Каплун не стал публиковать рукопись Мессинга после своего приезда. Возможно, сыграло свою роль отсутствие официального разрешения от автора на публикацию или же то, что вскоре после приезда в Израиль Абрам Каплун тяжело заболел. После кончины Абрама Каплуна его архив хранился в одном тель-авивском «бейт авот» — доме престарелых, где Абрам Каплун, не имевший родных, провел остаток своей жизни. В 2013 году дом престарелых был закрыт. Архив вместе с прочим не подлежащим продаже имуществом предназначался к выбросу на свалку, но несколько энтузиастов, в числе которых была журналист Галина Коган, решили сохранить ценные свидетельства, часть нашей общей истории. Среди того, что им удалось спасти, оказались бесценные в полном смысле этого слова воспоминания Вольфа Григорьевича Мессинга, человека-загадки, самого известного телепата XX века, которого не без оснований называли «личным экстрасенсом Сталина». Поняв, какое сокровище попало к ней

в руки, Галина Коган решила перевести воспоминания Вольфа Мессинга на русский язык и опубликовать их там, где Вольф Мессинг прожил вторую и лучшую половину своей жизни, там, где его знают и помнят.

Редакция выражает глубокую признательность Галине Яковлевне Коган за сохранение воспоминаний Вольфа Мессинга и перевод их на русский язык.

Вступительное слово

Труднее всего начинать. Особенно если начинаешь что-то незнакомое. Я никогда не писал ничего длиннее писем, да и они получались у меня короткими, больше похожими не на письма, а на телеграммы. Моя покойная жена Аида¹ много лет уговаривала меня написать книгу о себе. Уговаривала очень настойчиво, приводила разные доводы, взывала к моему самолюбию. Главным ее доводом было: «Человек должен после себя что-то оставить! Никто не вечен, даже длинный день заканчивается». Бедная Аида, она так переживала нашу бездетность. Под конец смирилась, но я видел, что это смирение было притворным. Ей очень хотелось, чтобы после меня, после нас что-то осталось. Другой довод: «Про тебя ходит столько слухов, один сказочнее другого, неужели ты не хочешь рассказать о себе правду?» Слухов обо мне ходит много, это так, но слухи меня никогда не волновали. Пускай выдумывают что хотят! Это Аида сердилась, когда слышала ложь обо мне. Однажды случилось так, что ей пришлось возвращаться из Одессы в Москву одной, меня задержали дела. В купе с Аидой ехала женщина примерно ее возраста, жена одного адмирала. Аида при случайных знакомствах никогда не рассказывала, что она моя ассистентка. Знала, что покоя не будет от вопросов. Она представлялась чиновницей от эстрады, чаще всего бухгалтером из Госконцерта. Бухгалтерию Аида знала хорошо и могла поддержать любой разговор. Так она поступила и в тот раз. Очень быстро разговор перешел на меня,

¹ Аида Михайловна Мессинг-Рапопорт — жена и ассистентка Вольфа Мессинга.

потому что вся Одесса была заклеена моими афишами. «Я вам такое расскажу про этого Мессинга, что вы ахнете!» — сказала адмиральская жена. То и дело повторяя «честное слово» и «знаю от верных людей», она наговорила Аиде целый воз сплетен обо мне. О моих несуществующих любовницах, о моих коммерческих делах, о том, что в Одессе есть некий моряк, через которого я тайком передаю за границу советы по игре на бирже, о том, что моя ассистентка, которую я выдаю за жену, на самом деле мне не жена, а внебрачная дочь... Хотел бы я иметь дочь, пусть даже и внебрачную. Аида слушала-слушала, а потом раскрыла свое инкогнито. Сплетница покраснела, пулей выскочила из купе, и больше Аида до Москвы ее не видела, наверное, та перешла в другой вагон.

«Напиши! Ты же хорошо пишешь! Куда лучше, чем говоришь!» — убеждала меня жена. Она хранила что-то из моих писем и любила их перечитывать. Да, на бумаге я излагаю мысли лучше, чем в беседе. На бумаге мне проще. Никого вокруг, только я и мои мысли. Уединение — очень важный для меня фактор. Когда я разговариваю с человеком, я невольно отвлекаюсь на него, на его мысли. Труднее всего выступать перед залом. Это только кажется, что в зале тишина. Я слышу, то есть на самом деле не слышу, а вижу, ощущаю нечто вроде хора отрывистых возгласов. Трудно сосредоточиться, приходится прикладывать очень большие усилия. Поэтому после каждого выступления я чувствую себя разбитым. Во время выступлений я всякий раз сильно волнуюсь. От волнения моя речь становится сбивчивой, появляется акцент. О, сколько неприятностей я имел из-за этого акцента! Меня обвиняли в том, что я намеренно подделываюсь под иностранца, низкопоклонничаю и т. д. В чем только меня не обвиняли!

В последний раз к разговору о моих воспоминаниях Аида вернулась незадолго до своей смерти. Я хорошо понимал ее состояние и ее мысли. Уходить тяжело, уходить страшно, но тяжелее

тому, кто остался. Моя жена заботилась обо мне до последнего вздоха и даже после своего ухода продолжала заботиться. Она хотела, чтобы после ее кончины я сел за книгу. Хотела, чтобы я пережил, переосмыслил все заново. Это, по ее мнению, должно было помочь мне справиться с горем. Но горе мое было так велико, что мне было не до воспоминаний. Целую вечность длилось мое горе. «В радости год пролетает как день, в горе день тянется как год», — говорила моя бабушка Рейзл, да будет благословенна ее память. Когда боль немного притупилась, я начал подумывать о том, что надо собраться и сесть за книгу. В этом я видел свой неисполненный долг перед покойной женой. Кроме того, я понял, насколько она была права. Кто, как не я, может рассказать обо мне?

При удаче и бык телится. Я уже выкроил немного времени для того, чтобы приняться за свой труд, когда один высокопоставленный товарищ пригласил меня к себе в кабинет и сказал, что люди хотят знать правду о Вольфе Мессинге. Мне было предложено написать о себе, о моей жизни. Мне обещали помощь, сказали, что книга выйдет большим тиражом не только в Советском Союзе, но и за границей. Скажу честно: возможность рассказать о себе всему миру меня увлекла. Раньше я думал о том, чтобы оставить после себя рукопись, которую то ли напечатают, то ли нет. А сейчас мою мечту взяли с неба и вложили мне в руку. «Садитесь, пишите, ждем, очень ждем!»

Старый волк¹ тоже попадает в капкан. Я так обрадовался, что не сразу обратил внимание на условия. Многие годы, прожитые с Аидой, избаловали меня. Моя покойная жена была ангелом. Она окружила меня такой заботой, о какой и мечтать было нельзя. В жизни много разных мелочей, отнимающих время, мешающих сосредоточиться. Я вспыльчивый, нервный. У меня такой

¹ Намек на собственное имя. Wolf переводится с немецкого и английского как «волк».

характер, что простая перепалка с электриком может выбить меня из колеи на целый день. Поход на рынок для меня тяжелое испытание, хождение по инстанциям — мука. Многие завидуют мне. Считают, раз я телепат, то могу легко добиться чего угодно от кого угодно. На самом деле это совсем не так. По ряду причин, среди которых нельзя забывать и про этику. Я живу по очень строгим правилам, которые сам для себя установил. Эти правила строже любых законов.

Условия на первый взгляд звучали обтекаемо, но суть их сводилась к тому, что обо мне должно быть написано то, что нужно товарищам из ЦК. Получилась какая-то полуправда, а полуправда — это та же самая ложь, только под другим именем. То, что я рассказывал о себе, проходило одну обработку, другую, третью... В результате я читал и удивлялся: о ком это написано? Если товарищи из ЦК заранее знали, что должно быть написано обо мне, они преспокойно могли бы обойтись без меня. Никого не виню, только себя. Не надо было соглашаться. Нельзя было быть таким наивным. Да, несмотря на все сверхъестественные способности, которые мне приписывает молва, я ужасно наивен. В нынешней жизни я мало что понимаю, и чем дальше, тем меньше понимаю. Я — человек старого времени, не похожего на нынешнее. С книгой меня тоже обманули. Слова «ваша книга» звучали несколько раз, но в конечном итоге дело закончилось журнальной публикацией¹. Представляю, как читатели этих строк сейчас улыбнутся — неужели Вольфа Мессинга, умеющего читать чужие мысли, можно провести? Можно. За всю мою жизнь меня не раз обманывали. Я могу уловить многое из того, что недоступно другим, но читать чужие мысли как развернутый свиток я могу не всегда. И не стесняюсь в этом признаться. Для

¹ В 1965 году мемуары Вольфа Мессинга были опубликованы в журнале «Наука и религия» (с 7-го по 11-й номер). В тот же период фрагменты мемуаров печатались в журнале «Смена», газете «Советская Россия» и ряде других изданий.

каждого человека, каким бы он ни был, есть что-то невозможное, непознаваемое.

Против моей воли, несмотря на мои возражения, в мои «мемуары» были включены фразы, отрицающие существование Всевышнего. Атеизм в Советском Союзе считается государственной религией, но тем не менее здесь все верят в Бога. Стоит только поговорить с человеком откровенно или же прочесть его мысли, как убеждаешься в этом. Я просил обойтись без этих фраз, но мне ответили, что иначе и быть не может. Когда я прочел якобы свои собственные слова «мусор религиозности», то мне захотелось отшвырнуть журнал и тщательно вымыть руки. Пусть эти слова останутся на совести того, кто их придумал. И это говорилось от имени Вольфа Мессинга на весь мир! Я не праведник, мне очень далеко до праведника, но я не атеист и никогда не считал себя таковым.

Неудача с «мемуарами» надолго охладила мой пыл. Я почти расстался с идеей когда-нибудь взяться за перо. Если же эта мысль возвращалась ко мне, я говорил себе: «Не сейчас, еще не время, успею». Несколько раз во сне Аида приходила ко мне и смотрела на меня с укором. Ничего не говорила, только смотрела. Но я и во сне знал, о чем она думает. Наконец настало время, когда уже невозможно говорить себе: «Не сейчас, еще успею». Сейчас. Или никогда уже. В канун нового 1974 года, на пороге своего семидесятипятилетия, я взялся за перо, пообещав самому себе, что не брошу его, пока не допишу все до конца. «Взялся за перо» — как красиво звучит! На самом деле у меня в руке обычная шариковая ручка. До недавних пор я предпочитал перьевые ручки шариковым, я вообще очень старомодный человек, но, когда руки стали дрожать, пришлось изменить свои предпочтения. Обстоятельства владеют нами. Обстоятельства диктуют нам свою волю, а не наоборот. Человек — раб обстоятельств. Нам только кажется, что мы можем на что-то влиять. На самом деле нами от рождения до смерти управляет фатум. Кто может про-

зреть фатум, тот может предсказывать будущее. Иногда на будущее можно повлиять, если принять определенные меры. Но только иногда. Мне, например, не удастся отсрочить мой уход. Но, зная время своей кончины, я могу успеть закончить свой труд и могу не бояться последствий. Откровенная книга воспоминаний, да вдобавок изданная за рубежом, во «враждебной» капиталистической стране, может причинить автору множество неприятностей. Пускай! Мне уже будет все равно! Зато мне будет приятнее покидать свет, зная, что я оставлю потомкам правдивый рассказ о себе. Все, конечно, в подробностях написать не смогу, да и вряд ли кому-то это будет интересно, потому что подробности моей жизни ценны только для меня самого. Запишу самое важное. И начну не в хронологическом порядке. Мне хотелось бы начать с рассказа об Аиде, о лучших годах моей жизни. Шестнадцать лет мы были вместе, и каждый день я благодарил судьбу за то, что она послала мне эту замечательную женщину. Я догадывался о том, какой подарок уготован мне судьбой, но я и предположить не мог, насколько буду счастлив. У нас в Гуре¹ говорили: «Хорошая жена — лучшее благословение». Так оно и есть. А еще у нас говорили: «Не ищи красоты, а ищи доброты». Красота меня никогда не привлекала, потому что очень часто за красивым фасадом скрывалось ужасное. Если можешь прозревать внутренний мир человека, то ценишь его внутреннюю, истинную красоту. Но у Аиды внешность гармонировала с характером. Она была ангелом, моим ангелом-хранителем.

¹ Город Гура-Кальвария Варшавской губернии (ныне — Польша, Мазовецкое воеводство, Пясечинский повят), в котором в 1899 году родился Вольф Мессинг.

Моя жена Аида

Увидев в первый раз Аиду (она сидела в зале, в третьем ряду с краю), я сразу же понял, что вот она — моя судьба. В тот вечер, к стыду своему, я не столько работал, сколько внушал ей, чтобы она подошла ко мне после выступления. Я бы и сам подошел первым, но прерывать выступление было неловко, а после него я мог не успеть, потому что сначала шли аплодисменты, а потом люди подходили с цветами, с вопросами, за автографами многие подходили. Шла война, многие спрашивали о судьбе родных, которые воевали или остались на оккупированных землях. На счет этого у меня было строгое правило: всем отвечать только хорошее, обнадеживающее. Я считал себя не вправе отнимать у людей надежду. Надежда в то трудное время значила очень многое. На надежде держалась жизнь. Моя бабушка Рейзл говорила: «Плохая новость может и подождать». Случалось говорить неправду своим друзьям, которые спрашивали о пропавших без вести родственниках. Впоследствии некоторые обижались на меня за обман. Но я же человек, а не бездушный Голем!¹ Разве я могу, глядя в глаза матери, сказать: «Ваш единственный сын мертв»? Не могу. Мой талант — тяжелейшая из нош. Когда мне завидуют, мне хочется воскликнуть: «Знаете ли вы, чему вы завидуете?! Кому вы завидуете?! Каторжнику!» Мой талант хуже любой каторги. С каторги еще можно убежать, а от себя самого не убежишь.

¹ Голем — персонаж еврейской мифологии, глиняный человек, оживленный при помощи магии.

Мои внушения возымели действие. После выступления Аида не ушла вместе с большинством зрителей, а осталась в зале. Она дождалась, пока я освобожусь, и подошла ко мне. К тому времени я знал о ней если не все, то почти все. Я не имею в виду подробности ее биографии. Я знал, кто она, какой она человек, знал, что она испытывает ко мне доброжелательный интерес. Доброжелательный интерес. Слово «любовь» настолько значимо и ответственно, что употребить его на основании непродолжительного наблюдения за человеком я не мог. Тем более что это наблюдение постоянно прерывалось общением с другими людьми. Про себя тоже не могу сказать, что влюбился в Аиду с первого взгляда. Когда тебе сорок пять (всего сорок пять, но тогда я казался себе стариком), влюбиться с первого взгляда уже невозможно. И со второго тоже. Надо хорошенько рассмотреть, что тебе предлагает судьба, а потом делать выводы. Но в то же время я знал, что Аида и есть моя судьба. На самом деле во мне как будто живут два человека. Один все знает наперед, а другой во всем сомневается. Как они уживаются друг с другом, я не понимаю. Но как-то уживаются, вот уже семьдесят пятый год уживаются.

Несколько встреч (кажется, их было три или четыре) убедили нас в том, что мы предназначены судьбой друг другу. Наши судьбы были во многом схожи. Обоим довелось многое пережить. У меня не осталось никого из родных, у Аиды — почти никого. У нее была сестра Ираида, которую она, а за ней и я называли только Ирочкой и никак иначе. Ирочка пережила блокаду, долго болела, Аида очень трогательно заботилась о ней. Эта замечательная женщина и обо мне заботилась очень трогательно. Ее большое сердце не допускало иного. Если Аида любила, то любила самозабвенно, если ненавидела — то от всей души. Когда мы стали жить вместе, я как будто попал в рай. Из моей жизни исчезло множество докучливых забот. Исчезло все, что меня раз-

дражало. То, на что у меня уходили часы, Аида решала в считанные мгновения. «Добрая волшебница, где твоя волшебная палочка?» — спрашивал я. «Здесь», — отвечала она, положив руку на грудь. Если на свете среди людей живут ангелы, то моя Аидочка была одним из них.

Не все могли разглядеть ее ангельскую сущность. Многим она казалась строгой, даже грубой, безапелляционной. Один эстрадный деятель, сатирик, чье имя не хочу называть, прозвал Аиду «пани Мессинг». В этом совершенно невинном обращении на польский лад (по-польски Аида и была «пани Мессинг») крылась едкая ирония. Слово «пани» в Советском Союзе звучало совсем не так, как в Польше. В Советском Союзе от этого слова веяло нехорошим — барством, безапелляционностью, чванством. Всем тем, чего у Аиды не было и в помине. Превратное впечатление о моей жене сложилось из-за ее сценического амплуа моей ассистентки. Да, на сцене она была строгой, не улыбалась, не шутила, пресекала чересчур вольное поведение зрителей. Не секрет, что на мои выступления приходили и приходят не только те, кому на самом деле интересно, но и те, кому хочется «разоблачить», «вывести на чистую воду». Где они видели эту чистую воду? Кого они хотят разоблачить? Но тем не менее своим поведением один-единственный разоблачитель или просто плохо воспитанный человек может сорвать все выступление. Я очень нервный человек. Стоит мне выйти из себя, и я уже не могу работать. А «вхожу в себя» я долго, на это требуется несколько часов уединения и спокойствия. Аида «держала зал» на своих плечах во время моих выступлений. Она удаляла хамов и «разоблачителей», руководила теми, кто задавал вопросы (я не терплю, когда несколько человек начинают говорить одновременно), соблюдала регламент. Я человек увлекающийся. Порой могу увлечься так, что начисто забываю о времени. Временами я доставлял Аиде больше хлопот, чем зрители в зале.